

Karl Jaspers

ALLGEMEINE
PSYCHOPATHOLOGIE

Карл Ясперс

ОБЩАЯ
ПСИХОПАТОЛОГИЯ

УДК 159.9+616.8
ББК 88+56.1
Я80

Karl Jaspers
ALLGEMEINE PSYCHOPATHOLOGIE

Впервые опубликовано в Германии. Это издание переведено и опубликовано по лицензии издательства Springer-Verlag GmbH, DE, входящего в состав группы Springer Nature.

Издательство Springer-Verlag GmbH, DE, входящее в состав группы Springer Nature, не несет и не может быть привлечено к ответственности за точность перевода.

Перевод с немецкого Левона Аюпяна

Печатается по изданию «Общая психопатология» (М.: Практика, 1997), выходящему под редакцией д.м.н. В.Ф. Войцеха, к.ф.н. О.Ю. Бойцовой, при участии научного консультанта профессора В.Н. Краснова.

Я80 Ясперс К.

Общая психопатология / Карл Ясперс ; пер. с нем. Л. О. Аюпяна. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 1056 с.

ISBN 978-5-389-27744-1

Карл Ясперс (1883–1969) прославился в первую очередь как философ, один из основоположников экзистенциализма, чье влияние отмечали Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Ханна Арендт. Однако Ясперс был не только философом, но и врачом-психиатром, и выросшая из его докторской диссертации «Общая психопатология» — результат нескольких лет работы в психиатрической больнице. Ясперс был глубоко не удовлетворен существовавшими в его время подходами к изучению и лечению душевных болезней, он считал, что эта отрасль медицины находится в глубоком кризисе, и поставил себе амбициозную задачу разработать новые научные основания для психиатрии. Фактически он создал философию психиатрии, разработал новый язык и категориальный аппарат для описания и классификации психических расстройств. Первое издание «Общей психопатологии» вышло в 1913 году, когда Ясперсу было 30 лет; книга стала делом его жизни, при каждом переиздании он перерабатывал и расширял ее — вплоть до 1959 года, когда вышло 7-е издание. Это классика психиатрической литературы, настольная книга психиатров, которая, даже несмотря на интенсивное развитие наук о человеческом мозге и психике в последние десятилетия, остается незаменимой. Принятые сегодня диагностические критерии, как и классификация психических расстройств, по-прежнему основываются на идеях и методах, изложенных в этой работе.

УДК 159.9+616.8
ББК 88+56.1

ISBN 978-5-389-27744-1

© Springer-Verlag GmbH Deutschland, 1973

© Аюпян Л. О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

КоЛибри®

Предисловие к первому изданию

Эта книга — обзор общей психопатологии как целостной области науки со своим набором фактов и точек зрения. Кроме того, она может служить введением в существующую литературу.

Моя задача состояла не в изложении догм, а в том, чтобы представить проблемы, способы постановки вопросов, методы; я не столько разрабатывал теоретически обоснованную систему, сколько стремился к методологическому порядку.

В психопатологии существует целый ряд подходов, множество одинаково правомерных, но никак не соприкасающихся друг с другом путей. Я видел свою цель в разделении этих подходов, в их точной дифференциации; я стремился систематизировать все эмпирически обоснованные направления, все области, представляющие интерес для психопатологии. Я заинтересован в том, чтобы в поле зрения читателя оказалась, по возможности, психопатология в целом, а не просто отдельные частные мнения, школы или модные течения.

Во многих областях психопатологии исследования все еще находятся на уровне констатаций и не вышли за рамки накопления не связанных друг с другом фактических данных; часто исследователи лишь нащупывают пути для продвижения вперед. Поэтому в процессе обучения опасно ограничиваться одним лишь материалом; прежде всего необходимо овладеть психопатологическим образом мышления, научиться наблюдать, задавать вопросы, анализировать с тех позиций, которые характерны именно для психопатологии. Моя задача заключалась в том, чтобы помочь студентам упорядочить свои знания, дать им точку опоры, которая позволила бы верно оценить новые, не наблюдавшиеся прежде феномены и найти должное место для всякого нового знания.

Карл Ясперс

Гейдельберг, апрель 1913

Из предисловий ко второму и третьему изданиям

... Нам приходится сталкиваться с бесчисленными обобщениями самого расплывчатого характера. Я попытался их по возможности прояснить. Но глубинные тенденции, которые нередко находят свое выражение в таких обобщениях, не должны просто отбрасываться в сторону и в тех случаях, когда полной ясности достичь не удается.

... Врачи часто высказывались в том духе, что эта книга слишком сложна для студентов, ибо в ней речь идет также и о высших, самых сложных вопросах. Я, со своей стороны, утверждаю, что науку можно охватить и постичь только полностью, то есть вместе с ее центральными проблемами. Я считаю абсолютно недопустимым ориентироваться на низшие уровни понимания. Напротив, рассчитывать нужно на лучших студентов, интересующихся предметом ради него самого, — даже если такие студенты

составляют меньшинство. Задача преподавателя — сделать из студентов настоящих ученых. Но этому препятствуют всякого рода компилятивные пособия, сообщающие студенту отдельные чисто внешние, не приведенные в систему сведения, которые будто бы имеют «практическую ценность»; нередко такое мнимое знание оказывается для практики более опасным, нежели абсолютное незнание. Демонстрация одного только «фасада» науки совершенно бесполезна. В наше время образование и духовность пребывают в упадке; именно поэтому любые компромиссы с нашей стороны недопустимы. Этой книге удалось найти путь к студентам; и у меня есть основания полагать, что она еще долго будет оставаться в их обиходе.

... Книга сохраняет свой преимущественно методологический характер. Учиться необходимо в атмосфере дискуссий на психопатологические темы. Необходимо осознать смысл и пределы достигнутого знания; необходимо знать, какими средствами это знание было достигнуто и на чем оно основывается. Знание — это не гладкая поверхность, состоящая из одних только абсолютных и равноценных истин; это структурированная иерархия, составные части которой различны по своей значимости...

Предисловие к четвертому изданию

Основная идея этой книги не претерпела никаких изменений. Но теперь она изложена совершенно по-новому. Это обусловлено как большим объемом исследований, осуществленных в психопатологии за последние два десятилетия, так и углублением моего собственного фундаментального знания.

Перед этой книгой стояла высокая цель. Она писалась ради того, чтобы удовлетворить потребность в универсальном источнике знаний по психопатологии. Она была призвана служить врачам и всем тем, кто по роду своих занятий имеет дело с человеком.

Задача заключалась в том, чтобы освоить исследовательский материал, свести его в целостную картину и представить в наглядной форме. Весь комплекс знаний о больной человеческой душе — знаний, которым мы обязаны прежде всего психиатрам, а также терапевтам, психологам, психотерапевтам и, наконец, биологам и философам, — следовало тщательно и глубоко продумать и свести воедино, в иерархию, структурированную сообразно действительности; это могло быть достигнуто только при условии полной методологической ясности. Задача, о которой идет речь, всякий раз должна осуществляться по-новому; в полной мере она неосуществима вообще. Надеюсь, что настоящее издание в этом отношении превосходит все предыдущие.

Я приношу благодарность профессору Курту Шнайдеру из Мюнхена. Он помог мне своей острой критикой и ценными рекомендациями; более того, он поддержал меня своим доброжелательным, одобрительным отношением к моему труду.

Я благодарю профессора Элькера из Фрейбурга: беседы с ним помогли мне прояснить многие вопросы биологического характера.

Он просмотрел всю главу о наследственности и внес в нее свои поправки.

Я благодарю своего издателя, доктора Фердинанда Шпрингера. Весной 1941 года он выразил желание, чтобы я переработал книгу, которую он, вместе с Вильмансом, побудил меня написать тридцать лет тому назад. Он не ограничивал меня ни в объеме, ни во времени; его великодушное предложение послужило для меня решающим импульсом. Поначалу я решил было ограничиться простой переработкой текста; но затем я понял, что необходимо существенно перестроить целое.

Профессор Карл Шнайдер позволил мне свободно пользоваться библиотекой Гейдельбергской психоневрологической клиники и с готовностью шел навстречу всем моим требованиям; за это я приношу ему особую благодарность.

Карл Ясперс
Гейдельберг, июль 1942

Книга, завершенная в июле 1942 года, тогда не вышла в свет. Настоящее издание воспроизводит ее без изменений и исправлений.

Карл Ясперс
Гейдельберг, март 1946

Предисловие к седьмому изданию

Я писал эту книгу в бытность мою сотрудником Гейдельбергской клиники. Под руководством Ниссля в клинике сложилась группа, состоявшая из Вильманса, Груле, Ветцеля, Гомбургера, Майер-Гросса и других; исследования этих ученых отличались живостью и актуальностью (их краткое изложение см. в моей книге «Философия и мир» [«Philosophie und Welt»], 1958, с. 286–292. О Франце Ниссле см. прекрасную статью Гуго Шпатца [H. Spatz] в книге: *Grossen Nervenartzen*, Bd. II, 1959, herausgeg. von Kurt Kolle). В кружке Ниссля, наряду с исследованиями мозга (вокруг которых разгорались бурные споры), развивались феноменология и понимающая психология; параллельно конкретным достижениям приходило методическое осознание этих областей науки. Ныне понимающая психология, питающаяся из других — в том числе и достаточно мутных — источников, стала, несомненно, одной из неотъемлемых частей психиатрии. И все же, когда мою книгу относят к феноменологическому направлению или к понимающей психологии, это справедливо лишь наполовину. Моя книга шире отдельных направлений: она разъясняет методы, подходы, исследовательские направления психиатрии вообще. Вся совокупность опытного знания подверглась в ней всестороннему методологическому осмыслению и представлена в систематической форме.

Говорить о переработке этой книги на основе результатов психиатрических исследований последних двух десятилетий можно было бы

только в том случае, если бы я некоторое время провел в клинике в качестве наблюдателя и, соответственно, имел возможность освежить и расширить собственный опыт. Но ныне мне это уже недоступно. Тем не менее моя книга, судя по тому, насколько быстро она расходуется, все еще не устарела. Она требует значительного расширения в том, что касается материала исследований, особенно по головному мозгу и соматической медицине. Впрочем, включение нового материала никоим образом не затронуло бы моих методологических принципов. Несомненно, сегодня можно было бы написать лучшую книгу также и в методическом смысле, но это задача для более молодого ученого — того, кто сумеет критически усвоить и расширить достигнутое здесь понимание методов и, возможно, по-новому взглянуть на их совокупность. Я с радостью приветствовал бы появление такой книги. Пока же этот мой давний труд остается подходящим руководством для врача, желающего освоить психопатологический образ мышления.

Карл Ясперс
Базель, май 1959

Сокращенные названия журналов

Arch. Psychiatr. (D.)	Archiv für Psychiatrie
Arch. Psychol. (D.)	Archiv für die gesamte Psychologie
Allg. Z. Psychiatr.	Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie
Dtsch. med. Wschr.	Deutsche Medizinische Wochenschrift
Dtsch. Z. Nervenhk.	Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde
Fschr. Neur.	Fortschritte der Neurologie, Psychiatrie und ihrer Grenzgebiete
Jb. Psychiatr. (Ö.)	Jahrbücher für Psychiatrie und Neurologie
J. Psychiatr.	Journal für Psychiatrie und Neurologie
M Schr. Kriminalbiol. usw.	Monatsschrift für Kriminalbiologie (früher Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform)
M Schr. Psychiatr.	Monatsschrift für Psychiatrie
Münch. med. Wschr.	Münchener Medizinische Wochenschrift
Neur. Zbl.	Neurologisches Zentralblatt
Psychiatr.-neur. Wschr.	Psychiatrisch-Neurologische Wochenschrift
Z. angew. Psychol.	Zeitschrift für angewandte Psychologie und Charakterkunde
Z. Neur.	Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie
Zbl. Neur.	Zentralblatt für die gesamte Neurologie und Psychiatrie
Zbl. Nervenhk. usw.	Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie
Zbl. Psychother.	Zentralblatt für Psychotherapie

Цель настоящего введения — напомнить читателю о том, насколько обширна, если не сказать безгранична область, в которой приходится действовать нашей науке — *психопатологии*. В этих предварительных замечаниях мы не закладываем никаких основ; все фундаментальные положения будут рассмотрены в основном тексте книги. Здесь мы обсудим только формы человеческого опыта и суть общей психопатологии.

§ 1. Чем занимается общая психопатология

(а) Психиатрия как клиническая дисциплина и психопатология как наука

Психиатр как практик имеет дело с индивидами, с целостными человеческими существами. Эти индивиды могут быть больными, которых он лечит или наблюдает. Он может свидетельствовать о них перед лицом судебных или других официальных инстанций, высказывать свое мнение о них историкам или просто беседовать с ними в своем кабинете. Каждый случай неповторим, но, чтобы разобраться в нем, психиатр должен обратиться к психопатологии как источнику некоторых общих понятий и законов. Психиатр выступает прежде всего как живая, понимающая и действующая личность, для которой наука —

лишь одно из множества вспомогательных средств; что касается психопатологов, то для них наука — единственная и конечная цель работы. Их интерес сосредоточен не на отдельной человеческой личности, а на том, чтобы уловить и распознать, описать и проанализировать некие общие принципы. Главная забота психопатологов — не столько приносимая наукой практическая польза (последняя приходит сама собой по мере научного прогресса), сколько выявление реальных, различимых феноменов, обнаружение истин, их проверка и наглядная демонстрация. Психопатологу нужно не вчувствование или наблюдение как таковое (это лишь материал, необходимый ему в изобилии). Ему нужно то, что можно представить в понятиях и сообщить другим; то, что позволяет выразить себя в правилах и в каком-то отношении познать. Это ставит ему границы, которые не следует нарушать; но, с другой стороны, внутри этих границ лежит область, которой он может и должен овладеть целиком.

Психопатология *ограничена*, ибо индивида совершенно невозможно растворить в психологических понятиях; пытаясь свести личность к типичному и регулярному, мы все больше и больше убеждаемся в том, что в любой человеческой личности кроется нечто непознаваемое. Мы вынуждены удовлетворяться лишь частичным знанием бесконечности, исчерпать которую не в нашей власти. Чисто человеческие качества психопатолога могут позволить ему увидеть и нечто большее, а иногда это «большее» — которое ни с чем не сравнимо — видят и другие; но все это не имеет отношения к психопатологии. Этические, эстетические и метафизические оценки тем более не зависят от психопатологических оценок и анализа.

Но помимо оценок, составляющих эту, ничего общего не имеющую с психиатрией, сферу, существуют инстинктивные ориентации, личностная интуиция, не передаваемая другим и в то же время важная для клинической практики. Часто подчеркивается, что психиатрия — это лишь сумма практических знаний, все еще не доросшая до статуса науки. Наука предполагает систематическое понятийное мышление, которое может быть сообщено другим. Психопатологию можно считать наукой только в той мере, в какой она отвечает этому требованию. То, что в психиатрии относится к сфере чисто практического, эмпирического знания, а в известной мере и искусства, не может быть сформулировано; в лучшем случае оно может быть «прочувствовано» другим специалистом. Поэтому писать о подобных вещах в учебном пособии было бы неуместно. Обучение психиатрии — всегда нечто большее, чем обучение понятиям, то есть чистой науке. С другой стороны, руководство по психопатологии может иметь ценность только при условии, что в нем соблюдается необходимая мера научности. Поэтому, вполне сознавая важность клинической практики в исследовании индивидуальных случаев, мы ограничиваемся в настоящей книге только тем, что может быть сообщено и воспринято в рамках чисто научного подхода.

Область исследования психопатологии — это все, что относится к области психического и может быть выражено с помощью понятий,

имеющих постоянный и, в принципе, внятный смысл. Исследуемое явление может быть предметом эстетического созерцания, этической оценки или исторического интереса, но наше дело — рассматривать только его психопатологическую сторону. Речь в данном случае идет о различных мирах, между которыми нет точек соприкосновения. Что касается психиатрии, то в ее рамках не существует четкой границы между наукой и своего рода искусством. Наука то и дело вторгается в область клинического искусства, но последнее отнюдь не вытесняется наукой; напротив, оно, в свой черед, охватывает все новые и новые сферы. Но там, где научный подход к психиатрической практике возможен, мы должны предпочесть его «искусству». Личностное, интуитивное знание (которое по природе своей не может быть свободно от ошибок) должно отступать на второй план везде, где предмет может быть познан научно.

Предметом исследования психопатологии служат действительные, осознанные события психической жизни. Хотя основная задача состоит в изучении патологических явлений, необходимо также знать, что и как человек переживает вообще; иначе говоря, нужно охватить психическую реальность во всем ее многообразии. Нужно исследовать не только переживания как таковые, но и обуславливающие их обстоятельства, их взаимосвязи, а также формы, в которых они (переживания) находят свое выражение. Можно провести аналогию с соматической медициной, которая использует данные как физиологии, так и патологической анатомии. Взаимная зависимость этих наук не вызывает сомнений: они имеют единую основу и между ними невозможно провести сколько-нибудь ясную разделительную линию. Психология и психопатология также принадлежат друг другу и способствуют развитию друг друга. Между ними нет четкой границы, и многие общие проблемы исследуются психологами и психопатологами на равных правах. Существует множество определений «состояния болезни», и все они допускают наличие пограничных случаев и переходных состояний. Мы не настаиваем здесь на каком-либо точном определении понятия «психическая болезнь»; как будет ясно из дальнейшего, выбор материала для настоящей работы следует достаточно широко распространить, получившим всеобщее признание принципам. С нашей точки зрения, несущественно, будет ли тот или иной материал признан кем-то патологическим или, наоборот, принадлежащим сфере так называемой нормы. Обсуждение вопроса о том, что считать болезнью, мы приберегаем для последней части настоящей книги. Нужно признать, что разграничение между интересующей нас здесь областью психопатологии и более широкой областью психологии осуществлено нами достаточно произвольно: не следует забывать, что обе эти области столь же неотделимы друг от друга, как физиология и патологическая анатомия.

(б) Психопатология и психология

Предмет изучения психологии — так называемая нормальная психическая жизнь. В теории психология столь же необходима психопато-

логу, сколь физиология — патологоанатому¹; но на практике эта аналогия подтверждается далеко не всегда. Причина заключается в том, что психопатологи занимаются обширным материалом, для которого психологией пока не описано «нормальных» соответствий. Психопатологам приходится разрабатывать собственную психологию, ибо психологи не могут обеспечить им необходимую поддержку. Академическая психология, судя по всему, занята не столько собственно психическими болезнями, сколько элементарными процессами, в основе которых лежат неврологические расстройства и органические повреждения мозга. Поэтому психиатры нуждаются в более обширной психологической основе, способной обогатить их тысячелетним опытом развития психологической мысли. Представляется, что в последнее время такая психология постепенно получает распространение в академических кругах.

(в) Психопатология и соматическая медицина

Как уже было сказано, предметом исследования психопатологии служат реальные душевные процессы, их условия, причины и следствия. Исследование связей между ними неизбежно приводит нас к теоретическому выводу о том, что отдаленными причинами психических явлений во многих случаях служат механизмы, внешние по отношению к сознанию, то есть факторы чисто соматической природы.

Тело и душа образуют нераздельное единство. Взаимосвязь этих двух начал в психопатологии проявляется более прямо и непосредственно, нежели в нормальной психологии. Существуют явления, повсеместно признанные в качестве чисто соматических, но отчасти зависящие от душевных процессов; к их числу относятся, в частности, продолжительность менструального цикла, истощение или ожирение и многие другие, а при определенных условиях, возможно, и все соматические функции. С другой стороны, даже самые сложные события психической жизни отчасти восходят к соматическим истокам. Взаимосвязи подобного рода обуславливают неразрывность психопатологии и остальной медицины. Не говоря уже

1 Мы не в состоянии назвать какую-либо книгу по психологии, которая могла бы послужить дополнением к изучению психопатологии. Психология, подобно психопатологии, делится на множество «лагерей». Чтобы узнать что-либо о психологии, необходимо ознакомиться со всеми существующими школами и учениями. Основной труд по психологическим проблемам, связанным с физиологией органов чувств и соматическими явлениями, — «Физиологическая психология» («*Physiologische Psychologie*») Вундта; но труд этот во многом устарел. Еще не изданный в полном объеме учебник Эббингауза (*Ebbinghaus*) (в новой редакции Бюлера [*Bühler*]) кажется более удачным. Феноменологическую основу для психологических исследований, выдвинутую Эдмундом Гуссерлем, следует признать новой с точки зрения не столько принципов, сколько методической чистоты. Того же направления придерживаются представители школы Кюльпе (*Külpe*); его сжатый, популярный обзор содержится в: *Messer. Empfindung und Denken*. В качестве введения в некоторые разделы современной психологии можно рекомендовать написанную умело и с должным ощущением реальности работу: *Bunke. Psychologische Vorlesungen* (Wiesbaden, Bergmann, 1919). К новым учебникам следует относиться осторожнее; но за обзором литературы можно обратиться к: *S. J. Fröbes. Lehrbuch der experimentellen Psychologie* (Freiburg, Bd. 1, 1917, Bd. 2, 1920). Упоминания заслуживают труды: *A. Messer. Psychologie* (Stuttgart, 1922); *Th. Eelsenhans. Lehrbuch der Psychologie*, 3 Aufl. von *Giese, Gruhle und Dorsch* (Tübingen, 1937).

о том, что задача исцеления человеческого существа требует от врача серьезной общемедицинской подготовки, проникновение в этиологию психических событий невозможно без знания соматических функций, а в особенности физиологии нервной системы. Таким образом, неврология, терапия и физиология служат для психопатологии самыми ценными помощниками.

Исследование соматических функций, включая сложнейшие функции коры головного мозга, связано с исследованием психической функции; единство соматической субстанции (тела) и психической субстанции (души) представляется неоспоримым, и все же мы должны всегда помнить, что связь между телом и душой вовсе не является прямой и однозначной: об определенных психических событиях нельзя говорить как о чем-то таком, что прямо связано со столь же определенными событиями, относящимися к соматической сфере. Иначе говоря, мы не имеем оснований для того, чтобы постулировать существование психосоматического параллелизма в узком смысле. Ситуация напоминает путешествие по неизвестному континенту, предпринятое с разных сторон, когда путешественникам не дано встретиться из-за непроходимости разделяющей их территории. Нам известны только крайние (начальное и конечное) звенья причинно-следственной цепочки, связывающей соматическую субстанцию с психической, и мы обязаны углублять наше знание, отталкиваясь от этих крайних звеньев. В рамках *неврологии* было показано, что кора и ствол головного мозга наиболее тесно соотносятся с психической функцией; вершинные успехи в данной области связаны с исследованиями афазии, агнозии и апраксии. Но чем дальше продвигается неврология, тем менее доступной становится для нее душа; с другой стороны, психопатология проникает вглубь психической субстанции вплоть до самых границ сознания, но у этих границ не находит никаких соматических процессов, прямо связанных с такими явлениями, как бредовые идеи, спонтанные аффекты и галлюцинации. Нередко источник психического расстройства обнаруживается в том или ином заболевании головного мозга, причем число таких случаев возрастает по мере умножения наших знаний. И тем не менее мы не можем доказать, что то или иное заболевание мозга влечет за собой специфические психические последствия. Представляется, что заболевания мозга (например, прогрессивный паралич) могут приводить почти к любым психическим расстройствам, хотя частота последних зависит от природы исходного заболевания.

Все эти замечания позволяют сделать вывод, что при исследовании соматических изменений совершенно необходимо иметь в виду возможные психические причины, и наоборот. Поскольку любой студент, изучающий психопатологию, обязан пройти также курсы неврологии и терапии, мы здесь не будем заниматься теми вопросами, которые достаточно хорошо освещены в многочисленных руководствах по названным дисциплинам (неврологическими методами исследования, патологическими рефлексами, чувствительными или двигательными расстройствами и т. д.). Более того, весь смысл данной книги состоит в том, чтобы представить психопатологию как науку, которая по своему понятийному аппарату, методам исследования и общим мировоззренческим установкам вовсе не находится в рабской зависимости от неврологии и сомати-

ческой медицины и не придерживается догматического положения, будто «психическое расстройство — это мозговое расстройство». Наша задача состоит не в том, чтобы, имитируя неврологию, построить систему с постоянными ссылками на головной мозг (все такие системы сомнительны и поверхностны), а в том, чтобы выработать устойчивую позицию, которая позволила бы исследовать разнообразные проблемы, понятия и взаимосвязи в рамках самих психопатологических явлений. Именно такова специальная задача психопатологии; тем не менее нам, конечно, придется то и дело сталкиваться со смежными проблемами неврологии — в частности, с такими, как зависимость определенных расстройств психической функции от мозговых травм при афазии и т. д., зависимость психических расстройств от таких заболеваний, как прогрессивный паралич, атеросклероз, а также гипотетическая связь некоторых случаев шизофрении (*dementia praecox*) с неврологическими расстройствами.

(г) Методология; роль философии

Психология и соматическая медицина — это научные дисциплины, наиболее тесно связанные с психопатологией; но последняя, как любая другая наука, имеет родственные связи и с другими отраслями человеческого знания. Одна из них — а именно философия с ее упором на методологию — заслуживает здесь особого упоминания.

В истории как психологии, так и психопатологии трудно — если не сказать невозможно — найти такие утверждения, которые по меньшей мере где-то или когда-то не были бы предметом дискуссии. Если мы хотим выйти за пределы стандартных и недолговечных психологических понятий и обеспечить нашим открытиям и теоретическим положениям твердую основу, мы непременно должны остановиться на проблеме методологии. Предметом спора становятся не только положения, но и сами методы; немалым достижением можно считать уже такую ситуацию, когда исследователи приходят к согласию относительно метода исследования и спорят лишь о результатах его применения. В то же время соматические исследования в психиатрии идут по сравнительно надежному и ровному традиционному пути. Можно сказать, что в таких областях, как гистология центральной нервной системы и серология, существует достаточная общность целей — в то время как статус психопатологии как научной дисциплины до сих пор оспаривается. Нередко приходится сталкиваться с мнением, будто в данной области в течение длительного времени не было никакого прогресса; более того, говорят, будто прогресс в психопатологии невозможен в принципе, ибо наша наука есть не что иное, как разновидность известной психиатрии прежних времен и уже исчерпавшей себя «вульгарной» психологии. Существует также тенденция рассматривать новооткрытые соматические явления как подходящее средство для лучшего познания психической жизни. Решение всех проблем видится в экспериментах, результаты которых выражаются в виде цифр, рисунков или графиков, будто бы наиболее объективно представляющих истинную картину. Не владея психологическими методами исследования, сторонники подобного взгляда слишком легко теряют критичность. Одних только эмпирических наблюдений недостаточно. Если мы хотим

разработать достаточно четкие понятия, если мы хотим достичь в рамках нашей научной дисциплины хоть сколько-нибудь точной и внятной дифференциации, нам нужно выйти на соответствующий уровень мышления; иначе ни о каком поступательном развитии науки не может быть и речи.

Совершенно естественно, что в этих условиях любой психопатолог должен уделить специальное внимание *методологии*. Соответственно, и в настоящей книге мы не можем обойтись без обсуждения методологических проблем. Перед лицом критики мы вынуждены защищаться и по возможности разъяснить нашу позицию. В любой научной дискуссии лучшим аргументом всегда служат достигнутые фактические результаты; но, если последние труднодоступны, мы должны хотя бы превосхитить возможную критику используемых методов¹.

Там, где речь идет о конкретных психопатологических исследованиях, обращение к *философии* само по себе не имеет позитивной ценности — если не считать той существенной роли, которую философия играет при выборе методологии. В философии нет ничего такого, что мы могли бы позаимствовать в готовом виде; с другой стороны, основательное изучение критической философии, несомненно, развивает в исследователе способность к разумному самоограничению. Оно может удерживать его от постановки ложного вопроса или развязывания бесплодной дискуссии, оно не позволит ему превратиться в пленника собственных предрассудков — а ведь подобное сплошь и рядом происходит с психопатологами, не имеющими необходимой философской подготовки. Кроме того, изучение философии положительно сказывается на развитии человеческих качеств специалиста-психопатолога и помогает ему лучше отдавать отчет в мотивах собственных действий.

§ 2. Некоторые фундаментальные понятия

Наша тема — человек в целом как больной, если этот больной страдает психической болезнью или болезнью, обусловленной причинами психического свойства.

Если бы нам были известны, с одной стороны, те элементы, из которых складывается психика человека, а с другой стороны, действующие в ней силы, мы могли бы начать с обобщающего взгляда на психическую субстанцию и лишь после этого заняться уточнением деталей. Но нам не дано воспользоваться подобным предварительным эскизом, поскольку, с нашей точки зрения, психическая субстанция (душа) есть бесконечно объемлющее, которое нельзя охватить в целом, а можно лишь изучать, проникая в него с помощью различных методов. У нас нет основопола-

¹ Из работ по психиатрии, в которых разрабатываются проблемы методологии, мы рекомендуем следующие: *Gaupp. Über die Grenzen psychiatrischer Erkenntnis.* — Zbl. Nervenhk. usw. (1903); *id. Wege und Ziele psychiatrischer Forschung* (Tübingen, 1907). У профессиональных философов, занимающихся обобщениями, мы находим меньше интересного, чем в трудах по методологии, написанных учеными-наблюдателями. Особенно ценна в этом отношении работа: *Max Weber. Gesammelte Beiträge zur Wissenschaftslehre* (Tübingen, Mohr, 1922), в которой, в частности, затрагиваются проблемы, имеющие близкое отношение к психопатологии.

гающей системы понятий, с помощью которой мы могли бы определить человека как такового; нет и теории, которая могла бы исчерпывающе описать человеческое бытие как некую объективную реальность. Поэтому мы, как ученые, должны быть готовы к восприятию любых эмпирических возможностей; нам ни при каких обстоятельствах нельзя сводить «человеческое» к чему-то единому. Мы не располагаем планом целого; вместо этого нам предстоит последовательно обсудить ряд отдельных аспектов, в которых находят проявление реалии психического мира.

Первый аспект — это *человек*. Какое значение с точки зрения заболевания имеет то обстоятельство, что человек — не животное?

Второй аспект — *душа*. Каким образом душа может быть объективирована? Иначе говоря, как она может быть представлена в качестве предметной реальности?

Третий аспект: душа есть *сознание*. Что такое «сознание» и «бессознательное»?

Четвертый аспект: душа — не «вещь», а *бытие в собственном мире*. Что такое «внутренний мир» и «окружающий мир»?

Пятый аспект: душа — это не статичное состояние, а процесс *становления, развития, развертывания*. Что означает дифференциация психической жизни?

(а) Человек и животное

В соматическом смысле, то есть с точки зрения анатомии, физиологии, фармакологии, патологической анатомии и терапии, человек для врача не отличается от животного. В психопатологии же проблема «человеческого» (*das Problem des Menschseins*), можно сказать, присутствует всегда: ведь любая психическая болезнь вовлекает в процесс своего развития как дух, так и душу человека.

Очень сомнительно, чтобы *животные были подвержены душевным заболеваниям*. Конечно, у животных также бывают заболевания центральной и периферической нервной системы; об этом свидетельствуют хотя бы работы по наследованию синдрома у кроликов. Кроме того, существуют такие явления, как лошадиный нор, «гипноз» у животных (не имеющих ничего общего с гипнозом у людей), панические реакции. У животных также могут развиваться «симптоматические психозы», вызванные органическими поражениями мозга. У них случаются чувствительные, двигательные нарушения (например, бег по кругу), а также изменения нрава — беспричинная агрессивность, апатия и т. п.

Пример: некоторые особенности поведения собак и кошек в состоянии экспериментального гипопаритироза дали основание описавшему это явление Блуму¹ говорить о пограничной зоне между двигательными и психическими симптомами. Он отметил приступы своего рода «безумия», во время которых

¹ F. Blum, Arch. Psychiatr. (D), 96 (1932). По данной теме в целом см.: Dextler. Über die psychotischen Erkrankungen der Tiere. — Mschr. Psychiatr., 16, Erg.-H. 99; Dextler. Die Erkrankungen des Zentralnervensystem der Tiere. — Handbuch der normalen und pathologischen Physiologie von Bethe, Bergmann et al., Bd. X (1927), S. 1232; R. Sommer. Tierpsychologie (Leipzig, 1925); K. Lorenz. Durch Domestikation verursachte Störungen arteigenen Verhaltens. — Z. angew. Psychol., 59 (1940).

кошка принимается сломя голову носиться по своей клетке, пытаясь вскочить на гладкую стену, нападает на другую, вполне миролюбиво настроенную кошку и кусает ее и, наконец, падает без сил. Тот же автор отмечал у собак и кошек необычные и неудобные позы, внезапные порывистые движения или изменения походки, совершенно не свойственные животным в нормальном состоянии, — например, движения, напоминающие гарцевание лошадей на параде. Часто они опускают голову и держат ее низко, как бы бояясь; они могут раскачиваться, чуть не падая, или пытаться ползти задом наперед, словно не чувствуя, что упираются в стену. Галлюцинирующая собака приноживается к окружающему и бессмысленно, без всякой видимой причины концентрирует взгляд на случайных предметах. Она царапает когтями оловянный пол клетки, пытаясь рыть мордой пустой угол. Время от времени она лает, при этом не обращая никакого внимания на окружающее. Кошки, похоже, бывают охвачены какими-то видениями: они «вцепляются» в пустоту, после чего медленно отводят лапы назад.

«Функциональные» психозы в собственном смысле у животных не описаны (наличие истерии у них далеко не доказано). Шизофрения и циркулярное расстройство встречаются у людей всех рас, но у животных их не бывает никогда. Согласно Люксенбургеру, «наличие психозов у животных не доказано; тем более невозможно говорить о том, что животные подвержены наследственным психозам». Люксенбургер совершенно справедливо критикует антропоморфизм, стремящийся «приписать поведению животных человеческую мотивацию». В этом отношении между соматической медициной и психопатологией существует ярко выраженная противоположность. Стремясь выявить исконно человеческое начало в психическом заболевании, мы должны рассматривать последнее как феномен, присущий только человеку. В той мере, в какой человек выявляет свою специфически *человеческую* природу, он не может быть сопоставлен с животными.

Человек уникален. Он привнес в мир некий элемент, чуждый животному миру; но в чем заключается этот элемент, все еще не вполне ясно. С соматической точки зрения человек — это один из видов животных; и тем не менее даже его тело уникально — причем не только благодаря способности к прямохождению и некоторым другим свойствам, но и благодаря особой конституции, отличающей человека от всех остальных животных и предоставляющей ему больше возможностей за счет менее развитой специализации. Кроме того, человек отличается от животных способностью использовать тело в экспрессивных целях. Психологически он совершенно оторван от царства животных. Животные, в отличие от человека, не смеются и не плачут, а сообразительность обезьян — это не разум и не мышление в истинном смысле слова, а всего лишь высоко развитое внимание, которое у человека служит лишь предварительным условием способности мыслить, но далеко не идентично мышлению как таковому. С незапамятных времен неотъемлемыми качествами человека считались свобода, рефлексия, дух. Участь животного всецело обусловлена законами природы. Человек также зависит от законов природы, но вдобавок у него есть предназначение, реализация которого всецело зависит от него самого. В то же время мы нигде не встречаем человека как полностью духовное существо; природные потребности оказывают свое воздействие даже на самые глубинные пласты его духа. В старину

воображение человека породило ангелов — воплощение чистой духовности. Но человек как таковой не есть ни животное, ни ангел; в нем есть свойства как того, так и другого, но он не может быть ни тем ни другим.

В какой мере уникальность человека определяет природу его болезни? Если говорить о болезнях тела, то наше сходство с животными настолько велико, что опыты над последними позволяют познать жизненно важные соматические функции человека — пусть даже применение результатов этих опытов представляет значительные трудности. Но понятие душевной болезни человека относится совершенно к иному измерению. Причиной болезни могут быть такие качества человеческого, как неполнота, открытость, свобода и бесконечное разнообразие возможностей. В противоположность животным человек не наделен врожденной, совершенной способностью к адаптации. Ему приходится самому искать путь в жизни. Человек не есть готовая форма, он формирует себя сам. В той мере, в какой он все-таки представляет собой готовую форму, он близок животным.

В психопатологии предметом научного исследования становится человек как таковой; соответственно, наблюдения над животными в данной области бесполезны. Не все в душевной болезни может быть объяснено с привлечением одних только естественно-научных категорий. Человек как создатель духовных ценностей, как существо верующее и нравственное пребывает за пределами того, что доступно эмпирическому исследованию.

И все же психология и психопатология животных — в той мере, в какой о них вообще можно говорить, — представляют для нас определенный интерес. Во-первых, они позволяют нам познать некоторые фундаментальные жизненные проявления, которые не чужды и людям, но которые могут быть более объективно оценены с учетом этого обширного материала — как, например, привычки, способность к обучению, условные рефлексы, автоматизмы, поиск решения методом проб и ошибок, а также отдельные виды разумного поведения (см., в частности: *W. Kohler. Intelligenzprüfungen an Anthropoiden*). Во-вторых, изучение особенностей жизни животных убеждает нас в том, что предков человека среди зоологических форм нет. Как животные, так и человек представляют собой ветви единого великого древа жизни. Контраст между человеком и животными помогает нам понять действительную основу человеческого бытия.

(б) Объективные проявления психической жизни

Мы можем понять и исследовать только то, что воспринимается нами как объект. Душа как таковая не есть объект. Она объективируется благодаря тем своим проявлениям, которые делают ее доступной внешнему восприятию, — то есть благодаря сопутствующим соматическим явлениям, осмысленным жестам, поведению, поступкам. Далее, она проявляет себя посредством речевой коммуникации. Она высказывается в словах и творит вещи. Все эти доступные восприятию явления суть результаты функционирования психической субстанции. На их основании мы если и не воспринимаем психическую субстанцию непосредственно,

то по меньшей мере делаем вывод о ее существовании; но *психическая субстанция* или *душа* как таковая в итоге *не становится объектом*. Наш опыт осознанных переживаний убеждает нас в том, что душа существует; исходя из объективных наблюдений над сходными проявлениями психической жизни у других людей или из сообщений этих людей, мы представляем себе, что их переживания должны быть аналогичны нашим. Но эти объективированные переживания также суть всего лишь внешние проявления. Мы можем сколько угодно пытаться объективировать душу посредством символов или аналогий; но она все равно останется необъективируемым до конца *обрамлением бытия* (в философской традиции это принято обозначать термином «объемлющее», *das Umgreifende*), внутри которого пребывают все отдельные объективные факты.

Следует еще раз подчеркнуть, что психическая субстанция или душа не есть вещь. Говорить о «душе» как об объекте — значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает *сознание*, но в той же мере (а с некоторых точек зрения — прежде всего) она означает *бессознательное*. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как «*бытие в собственном мире*», как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа — это *становление, развертывание, различение*; в ней нет ничего окончательного и завершенного.

(в) Сознание и бессознательное

Термин «сознание» имеет тройное значение. Во-первых, он подразумевает *осознание (интериоризацию) собственных переживаний* — в противоположность потере сознания и всему тому, что пребывает за пределами сознания. Во-вторых, он подразумевает *осознание объекта*, знание о чем-то предметном и внешнем — в противоположность неосознанным субъективным переживаниям, в рамках которых «Я» и «объект» пребывают во все еще не дифференцированном состоянии. В-третьих, он подразумевает *самосознание*, осознание личностью собственного «Я» — в противоположность бессознательному, в рамках которого субъект и объект переживаются как отдельные сущности, но личность не осознает различия между ними сколько-нибудь отчетливо.

Без сознания — понимая под сознанием любую форму внутреннего переживания, в том числе и такую, когда «Я» и «объект» не дифференцируются или когда переживание ограничивается всего лишь неосознанным чувством, не направленным на какой-либо определенный объект, — психическая субстанция не может проявить себя. Где нет сознания в указанном смысле, там нет и психической субстанции.

Но психическая жизнь не может быть полноценно понята только как сознание; она также не может быть понята средствами одного только сознания. Реальный опыт душевных переживаний необходимо дополнить теоретическим *фундаментом, выходящим за пределы сознания*. Все, имеющее непосредственное отношение к феноменологии и объективной констатации фактов, обусловлено действительным опытом психической жизни и не нуждается в теории; с другой стороны, любая попытка объяснения эмпирических данных предполагает построение

теоретических рамок и допущение некоторых механизмов и сил, внешних по отношению к сознанию. Прямые, доступные непосредственному наблюдению данные психического опыта аналогичны пене на поверхности моря. Океанские же глубины недоступны и могут быть изучены лишь непрямым, теоретическим путем. Но проверка теоретических допущений осуществляется на основании вытекающих из них следствий. Их ценность состоит не в их непротиворечивости и самодостаточности, а в том, насколько успешно они объясняют действительный опыт и способствуют повышению «разрешающей способности» наших наблюдений. Для объяснения психической жизни мы должны работать с механизмами, внешними по отношению к сознанию, — с происходящими в сфере бессознательного событиями, которые, конечно, сами по себе не могут быть переведены в форму, доступную непосредственному восприятию, а могут лишь мыслиться в форме психических или физических символов или аналогий.

С недавних пор в качестве реакции на давнюю, насчитывающую около ста лет традицию наблюдается известное снижение доверия к умозрительным теориям. Эту реакцию следует оценивать скорее положительно, поскольку теории слишком легко придумываются и столь же легко порождают путаницу — особенно в тех случаях, когда их беспорядочно смешивают с фактическим материалом. Во всем, что касается теоретизирования, мы предпочитаем держаться принципа максимальной осторожности; всякий раз, прибегая к теоретическим концепциям, мы будем помнить об их гипотетичности и, значит, ограниченности.

Само существование событий *бессознательной* психической жизни часто подвергалось сомнению. В этой связи мы должны различать события, в действительности пережитые личностью, но оставшиеся незамеченными, и события, происходившие за пределами сознания и, значит, не пережитые. Первые могут быть замечены при определенных благоприятных условиях и таким образом доказать свою реальность. Вторые же никогда не могут быть замечены по определению.

Перед психологией и психопатологией стоит важная задача: высветить *оставшиеся незамеченными* события психической жизни и тем самым сделать их доступными сознанию (или, что то же самое, познанию). Стремление к истине и саморазвитию предполагает озарение бессознательных глубин личности; именно таков один из магистральных путей психотерапии.

События, *происходящие за пределами сознания*, могут быть замечены лишь в тех случаях, когда они являются восприятию как события соматической сферы. Но эти же события могут трактоваться как причины и следствия того, что происходит в сознании; соответственно, с их помощью можно объяснить феноменологию сознательной психической жизни. Из сказанного ясно, что они представляют собой чисто теоретические конструкции и, следовательно, не вполне бесспорны и надежны; впрочем, не имея возможности точно установить меру их соответствия действительности, мы, по существу, и не нуждаемся в этом. Внесознательное проявляет себя во множестве разнообразных форм — таких, как приобретенные диспозиции памяти, привычки, умственные способно-

Карл Ясперс

Общая ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Выпускающий редактор П. Шиков

Художественный редактор Е. Заливочкина

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры О. Левина, Т. Филипова, Л. Овчинникова,

Т. Дмитриева, Н. Соколова

Компьютерная верстка Т. Коровенковой, В. Брызгаловой

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.12.2024.

Формат 60×88 ¹/₁₆. Гарнитура «Times NR».

Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 72,б.

Тираж 2000 экз. W-NFB-36266-01-R. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
«КоЛибри» тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық
округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басмамының сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
от 29.12.2010 г. не распространяется.

«Балааларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.